

М. О. СКРИПЦЬ

Повесть о Тимофее Владимирском

1

Повесть о Тимофее Владимирском крепко связана с древне-русским бытом и историей. Правда, ее со всех сторон обступают сходные литературные факты. Так, некоторыми особенностями своего содержания близок к ней рассказ „Звезды Пресветлой“ (Глава XV, рассказ 5-й), на сходную с ней тему написана одна из новелл „Великого Зеркала“ (по сборнику II типа № 250) и проч. Но все это не что иное, как простое совпадение. Повесть о Тимофее Владимирском значительно старше русских переводов „Звезды Пресветлой“, ее дополнительной XV главы и русского перевода „Великого Зеркала“. Фабула повести, насыщенная конкретным историческим содержанием, прикрепляет ее к определенной эпохе в жизни Русского государства. Нет оснований сомневаться в ее оригинальности.

Повесть о Тимофее Владимирском начинается словами, внимание к которым дает возможность очень точно приурочить ее фабулу к определенному времени: „Бысть в великом княжении Российския земли при великом князе Иоанне Васильевиче и при святейшем Филиппе митрополите во граде Владимире презвитер некий, именем Тимофей“. Упоминание имени великого князя Ивана Васильевича отсылает нас или к Ивану III или Ивану IV. При Иване III митрополитскую кафедру занимал Филипп I, при Иване IV — Филипп II. К какому же княжению относится фабула повести о Тимофее Владимирском? Приурочение фабулы повести ко времени Ивана IV отпадает, так как ее хронология не находит полного соответствия с историческими фактами этой эпохи. В повести говорится о разрешении пресвитеру Тимофею возвратиться из Казани на Русь в княжение Ивана Васильевича и при митрополите Филиппе. Но митрополит Филипп II занял митрополитскую кафедру лишь в 1564 г., т. е. 12 лет спустя после покорения Казани. Затем, в повести Иван Васильевич именуется „великим князем“ и Русская земля — „княжением“. Иван IV, как известно, уже в 1547 г. принял титул царя. Наименование его только „великим князем“ в 70-е годы

XVI в. было бы немислимым для вполне грамотного автора повести о Тимофее Владимирском. Более вероятным, поэтому, является предположение, что в повести о Тимофее Владимирском имеется в виду княжение великого князя московского Ивана III (1462—1505 гг.).

Иван III вступает на великокняжеский московский престол в 1462 г., а в 1464 г. митрополичью кафедру занимает митрополит Филипп I. Иван III продолжает объединительную политику своих предшественников — московских великих князей: в 1478 г. он наносит окончательный удар новгородской самостоятельности; падение Новгорода предрешает судьбу Тверского княжества, к которому со всех сторон подступили московские владения, и в 1485 г. оно оказывается уже присоединенным к Москве; вскоре после этого часть Рязанского княжества также переходит к Ивану III по завещанию одного из рязанских князей. К концу княжения Ивана III образование единого централизованного Русского государства становится совершившимся фактом. Оно было подготовлено и экономическим развитием страны, и, особенно, интересами обороны ее от внешних врагов. На востоке Европы, говорит И. В. Сталин, „интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия“.¹

Опираясь на поддержку церкви, дворянства и посадского населения, Иван III высоко поднимает авторитет великокняжеской власти как внутри государства, так и в международных отношениях и связях. Русское государство при Иване III завязывает дипломатические отношения и обмен посольствами с Римом, Венецией, германским „цесарем“, Турцией, Персией и другими странами. Во внешней политике Иван III проявляет осторожность, хитрость, предусмотрительность, и в то же время — смелость и решительность. При нем резко изменяется политика по отношению к Золотой орде и другим татарским ханствам: Иван III уже не ездит в Орду и отказывается платить дань татарам. В 1480 г. Русское государство окончательно освобождается от татарского ига. Но кроме Золотой орды, у Москвы был и другой враг — Казанское ханство. Казанское ханство являлось серьезной угрозой для восточных окраин Русского государства. Казанские татары во время своих набегов опустошали долину Волги и доходили по притокам Волги до Вятки и Устюга. Вятчане и устюжане, в свою очередь, нападали на земли казанских татар. Прекращение этой непрерывной войны на восточных границах Руси становилось большой государственной задачей. Борьба с казанскими татарами оказывалась частью общей борьбы за объединение русских земель. Но для Ивана III было ясно и более широкое значение борьбы с Казанью. Казань привлекала его своим удобным географическим положением: завоевание Казани не только дало бы возможность прекратить постоянные воен-

¹ И. В. Сталин, Сочинения, т. 5, стр. 34.

ные столкновения с татарами и расширить территорию московского княжества, но и открыло бы путь к низовью Волги, к Каспийскому морю, что диктовалось возросшими торговыми интересами Москвы. Поход Ивана III на Казань в 1467 г. был его первым крупным походом, но закончился он неудачно. К 80-м годам положение Казанского ханства значительно ухудшилось. Ослабление Золотой орды сказалось и на его военной мощи, так как теперь оно потеряло своего главного союзника. В 1487 г. под Казань была отправлена большая московская рать, русские осадили город и после долгой осады помогли занять ханский престол Мухаммед-Эмину, придерживавшемуся московской ориентации. Вмешательство Ивана III во внутреннюю жизнь Казанского ханства усилило враждебное отношение к Москве среди феодальной знати Казани. Это привело к еще более частым набегам казанских татар на московские владения. Ивану III, не покорившему Казани, приходилось вести по отношению к ней особо осторожную политику, приобретая себе сторонников внутри самого Казанского ханства.

Фабула Повести о пресвитере Тимофее становится вполне понятной и объяснимой на фоне этой конкретной исторической обстановки. В отношении хронологии ее развязка лучше всего соотносится со временем между 1467 г. и 1473 г., т. е. первым неудачным походом Ивана III на Казань и смертью митрополита Филиппа I. Повесть отражает, таким образом, очень сложный и напряженный момент во взаимоотношениях Москвы и Казанского ханства. Она отличается политической направленностью, понятной современникам событий. Прощение пресвитера Тимофея князем и митрополитом несомненно свидетельствует об этой направленности. За внешне религиозной мотивировкой решения князя и митрополита проступают подлинные черты этого решения как определенного политического акта, согласного с общей политикой Москвы по отношению к Казанскому ханству в 60—70-е годы XV в. Пресвитер Тимофей, совершив преступление, оставляет семью и тайно, переодевшись „в воинскую одежду“, бежит „на чужую страну в поганую землю татарскую, в Казань“. Следовательно, Тимофей рассчитывает, что в Казани он окажется недоступным для русских властей. Здесь он отрекается от христианства, „бусарманскую веру прият“, и переходит на службу к казанскому царю, очевидно, выдавая себя за воина, „и воевода в Казани храбр бысть, и часто посылая его царь с татары своими Русския земли воевати“. Таким образом, над ним тяготееют преступления, подсудные и духовному и светскому суду. Поэтому-то он и просит отпускную грамоту „за двумя печатма“ — печатью митрополита и князя. И митрополит и князь прощают Тимофея: „и наказавше звати его, чтобы ехал к Москве безо всякия боязни и да будет честен в службе великому князю“. Во всем этом — живые черты быта и истории XV в., осторожной и трезвой политики Ивана III в эпоху, когда Казань еще сохраняет свою самостоятельность.

2

Фабулу Повести о Тимофее Владимирском можно приурочить только к эпохе Ивана III.

Но приурочением фабулы повести к эпохе Ивана III еще не пред-
решается вопрос о том, когда она была написана. Повесть дошла до
нашего времени в поздних списках, списках не старше XVII в., и мы ни-
чего не знаем об обстоятельствах и времени ее создания. Правда, одна
из нескольких групп списков повести, которую мы считаем 1-м вари-
антом 1-й редакции, подсказывает нам весьма заманчивую гипотезу,
гипотезу длительного существования повести в устной традиции и после-
дующей записи ее книжником. „Сия же повесть, — читаем мы в списках
этой группы, — много лет не написана бысть, но тако в людех в повестех
ношашеся. Аз же слышах от многих сие и написах ползы ради про-
читающим...“¹ Как отнестись к этому свидетельству списков повести?
Было ли оно в оригинале повести? Текстологическое изучение повести
убеждает нас в том, что, во всяком случае, в прототипе всех известных
в настоящее время списков повести это свидетельство было.

Интересующее нас окончание повести мы находим не во всех ее
списках. Часть из них, поздних по времени своего возникновения
и принадлежащих к группе списков с этим окончанием, искажает или
отбрасывает его [ГИМ. Уваров. № 2053 (1084), XVIII в.; ГИМ. Щукин.
№ 692, XVIII в.; ГПБ. Погод. № 1603, XVIII в.; ГИМ. Востряк.
№ 1156, 1828 г.]. Несколько труднее объяснить отсутствие этого окон-
чания в небольшой группе списков, передающих текст повести в отно-
сительно архаичных чертах [ГИМ. Уваров. № 1895 (851), XVII в.;
ГПБ. Титов. № 913 (2468), XVII в.; Список А. М. Лазаревского,
XVII в.; ГПБ. Q. IV. № 378, XVIII в.; ГПБ. № 19, XVIII в.]. Эта
группа списков по составу характерных для нее разночтений пред-
ставляет собой особый вариант повести. Вопрос о наличии или отсутствии
в прототипе повести окончания с указанием на существование повести
в устной традиции можно решить, только решив вопрос о старшинстве
того или другого из двух вариантов повести. Сопоставляя тексты
повести по двум ее вариантам, мы видим, что для второго варианта
характерно последовательное сокращение первоначального текста.
Приводимые ниже примеры, думаем, подтверждают правильность этого
наблюдения.

¹ Цитирую по списку ГПБ. Q. XVII. 199, XVIII в. Такое же окончание в списках:
ГИМ. Уваров. № 1912 (157), XVII в.; Библ. им. В. И. Ленина, Большак. № 391,
1709—1710 гг.; ГИМ. Барсов. № 2134, к. XVII в.; Библ. им. В. И. Ленина, № 1529
(Бедаев. № 23), XVIII в.; ГПБ. О. I. № 72 (Толст. II. 85), XVIII в.; ГПБ. Титов.
№ 540, XVIII в.; Институт истор. языка и литер. Карело-Финской базы АН СССР
№ 47 (167), XVIII в.; БАН. 21.8.10 (Сев. 695), XVIII в.; ГИМ. Хлудов. № 36. XIX в.;
Институт истор. языка и литер. Карело-Финск. базы АН СССР № 208, XIX в.

И вариант
по списку ГИМ Уваров. № 1912 (157)
XVII в.

В первую убо неделю святого и великаго поста обычаи имут православнии християне, боголюбивии людие, — мужи и жены и младыя дети поститися всю неделю. И, постившися, в пяток вечера ко отцем духовным на покаяние приходити и от грех очищаются и в субботу на литургии примати пречистое тело и кровь Христа бога нашего.

И утаяся всех людей, да не явлен будет властем града того и про то бы ему злою смертию от них не умрети, и оседла конь свои.

Отрок же взем влагалище из-за пазухи своея и разверзь е и выняв из него грамоту за двама печатми запечатану и вдасть ему.

II вариант
по списку ГИМ. Уваров. № 1895 (851)
XVII в.

В первую убо неделю великаго поста обычаи имут православнии християне боголюбивии — мужие и жены и младыя дети поститися во всю неделю и ко отцу духовному на покаяние приходити

и примати
тело и кровь господа
нашего Иисуса Христа.

Поп же утаяся всех людей, ту сущих,

и оседла
коня своего.

Отрок же взем

грамоту

и даде ему.

Учитывая эту тенденцию второго варианта повести последовательно сокращать первоначальный текст, можно предполагать, что сокращение коснулось и окончания повести и что в прототипе всех дошедших до нашего времени списков окончание было в своем полном виде. Каково же значение этого окончания? Возможно, что автор действительно слышал устный рассказ о необычной судьбе Тимофея. Но может быть смысл окончания совсем в ином. Может быть это только обычное для древне-русского писателя умаление своих авторских заслуг.

Если повесть написана на основании устного рассказа, это может свидетельствовать о ее создании во время, близкое к самому событию, так как в длительной устной передаче пострадала бы фактическая сторона рассказа и весь рассказ в большей или меньшей степени приобрел бы фольклорные черты.

Если же ссылка автора на устный источник только литературный прием, то решение вопроса о времени написания повести несколько осложняется. Можно только предполагать, что такое поразительное совпадение повести и в идейном отношении и в самом содержании с эпохой Ивана III вряд ли могло бы создаться, если бы она была написана в отдаленное от этой эпохи время.

Вернее всего, Повесть о Тимофее Владимирском написана на грани XV—XVI вв.

3

Лег ли в основу фабулы Повести о Тимофее Владимирском конкретный, имевший место в жизни, случай, или автор, преследуя свои особые цели, создал фабулу повести, учитывая возможность подобных происшествий в знакомой ему исторической обстановке, — это, конечно, останется неизвестным. Но важно то, что фабула повести оказалась достаточно емкой для того, чтобы автор мог поставить ряд интересовавших его вопросов. Он, прежде всего, декларативно заявляет о своем намерении показать, как даже исключительный грешник путем покаяния может „в первое (первоначальное) благочестие“ возвратиться. Попутно с художественным показом этого на судьбе своего героя автор повести ясно обнаруживает интерес и свое отношение к вопросу о „восточной“ политике Русского государства последней четверти XV в., имевшему особое значение в это время.

Нам сейчас очень трудно определить, какой из поднятых автором повести вопросов стоял на первом плане в его собственном сознании. Но то, как развивается фабула повести, как настойчиво автор подчеркивает, что преступление Тимофея не исчерпывается святотатством, а является преступлением и против государства — государственной изменой, свидетельствует о том, что самые интересные идеи повести далеко выходили за круг морально-религиозных представлений ее автора. Поступок князя приобретал в глазах автора повести значение политического акта. Чудесное явление Тимофея после смерти во сне отроку с извещением, что он, Тимофей, „приях прощение грехов своих и царствию небесному причастник быв“, божественным авторитетом подкрепляет правильность решения князя и отражает положительную оценку этого решения автором повести. Пред нами ясно обрисовывается лицо автора повести, как человека, сумевшего ориентироваться в сложной политической обстановке своего времени, правильно понявшего политику Ивана III в отношении Казанского ханства и оправдывавшего ее.

Можно не сомневаться в том, что для современников автора повести о Тимофее Владимирском этот, кажущийся нам теперь скрытым, смысл повести был вполне доступен. Художественная манера автора повести не является чем-то исключительным для своего времени. Наоборот, эта манера была обычной для определенного, довольно широкого, круга произведений литературы XV в., которым, нам кажется, позволительно было бы присвоить наименование легендарно-политических сказаний. История литературы, как мы уже указывали, вплоть до наших дней все еще оперирует тем запасом этих произведений, который в свое время определил И. Н. Жданов. А между тем, круг легендарно-политических сказаний несравненно шире, чем это представлялось И. Н. Жданову,¹ и в связи с их изучением возникает ряд интереснейших

¹ И. Н. Жданов. Русский былевой эпос. СПб., 1895.

историко-литературных и теоретико-литературных проблем. Оказывается, что от них тянутся нити и к древне-русской оригинальной повести и к древне-русской публицистике.

По своей тематике легендарно-политические сказания, обычно, связаны с острыми моментами политической жизни северо-восточных русских княжеств и областей XV — нач. XVI в. Иногда они идут по свежим следам исторических событий. Но чаще всего они отражают более позднее осмысление события, изменение взглядов на него, переоценку его, когда яснее обозначается значение события в исторических судьбах народа. Таковы, например, легендарно-политические сказания об Иване Калите.¹ Или же легендарно-политические сказания как бы предвосхищают события, предсказывают их, выражая этим чаяния и надежды определенных социальных групп. Это характерно для таких крупнейших произведений этого ряда, как повести о Вавилоне-граде, легендарные эпизоды повести о взятии Царьграда Нестора-Искандера и др. Но во всех случаях при создании легендарно-политических сказаний в руках писателей гибким и удобным материалом оказывалась легенда. Она легко подчинялась различной интерпретации и давала возможность в авторитетных и доступных широким народным массам формах освещать различного рода исторические факты так, как того требовала определенная политическая ситуация общегосударственной или местной областной жизни в данный момент. В легендарно-политических сказаниях находило свое выражение тенденциозное освещение межобластных споров. В них отражалась оппозиция объединительной политике Москвы, оппозиция для XV — нач. XVI в., обычно, уже запоздавая и бессильная, но все еще свидетельствующая о враждебных отношениях к Москве отдельных местных общественных групп. Они же, наконец, являлись излюбленным средством в руках московских писателей XV — нач. XVI в. в утверждении московской идеологии.

Повесть о Тимофее Владимирском и по своему идейному содержанию и по своей художественной манере близко стоит к легендарно-политическим сказаниям. В ней — оправдание политического курса Русского государства в „восточном вопросе“. В ней — обращение к легенде как к одному из элементов художественно-изобразительной системы. Все это позволяет говорить, что повесть *примыкает* к этой группе произведений. Но не более. Во многом она уже отходит от легендарно-политических сказаний, круг ее идейно-художественных задач несколько шире.

Герой как личность со своим индивидуальным характером, особенности которого сказываются на его поступках и на его судьбе, — вот то новое, что с особой выразительностью обнаруживается в повести. Тимофей — порывистый, несдержанный, крайне эмоциональный — в самом себе хранит возможность той необычной участи, которая пости-

¹ ГИМ. Чудов. № 314. Миней-четья, 1600 г., л. 21.

гает его. От первого преступления и до смерти, наступившей от радостного волнения, Тимофей встает перед нами как цельная личность, как определенный характер. В этом отношении Повесть о Тимофее Владимирском сближается с некоторыми другими произведениями XV—нач. XVI в., особенно же с Повестью о Петре царевиче Ордынском и Повестью о Луке Колоческом, развитие фабулы которых также определяется основными особенностями характеров их главных героев.

Повесть о Тимофее Владимирском известна нам в 24 списках. Литературная история ее не отмечена яркими и значительными этапами. Изменения ее текста не выходят из круга мелких разночтений и перифраз. Поздняя попытка придать ей сугубо клерикальный вид, засвидетельствованная одним из списков XVIII в. (ГИМ. Барсов. № 934), не поднимается до значения литературной редакции.

Текст повести о Тимофее Владимирском, таким образом, не подвергался сознательным переделкам, редактированию с целью изменения идейного смысла и стиля ее. Но движение текста во всей массе списков повести в смысле накопления новых чтений весьма значительно. Учитывая то, что это явление характерно и для списков повести XVII в., мы можем с большой долей уверенности утверждать, что к этому времени она уже успела пройти длинный путь своей литературной жизни. Данные текстологического изучения повести о Тимофее Владимирском не опровергают, а подтверждают предположение о ее раннем возникновении.

По состоянию текста все списки повести о Тимофее Владимирском можно разбить на две группы: первая — АБВГДЕЖЗИКЛМНОПРСТ, вторая — УФХЦЧШ. В пределах каждой группы списки расположены нами в порядке иссякающих связей с архетипом повести.

Приводим перечень списков повести.

1. ГИМ. Уваров. № 1912 (157), XVII в., лл. 135 об.—147. Обозначение А

Заглавие: „Притча о прозвитере, впадшем в великий грех в тязькии“.

Начало: „Бысть в руской земле в княжение царя и великаго князя Ивана Васильевича московскаго и всея Русии при митрополите Филипе. Бе в граде Владимире презвитер некий живя, именем Тимофеи. Случися ему быти по божию попущению искус сицев на пагубу души его“.

Окончание: „Отроку же тому князь великий и митрополит все имение Тимофеево отда, великое богатество. Еще же и к тому князь великий и земли удел даде ему.

Сия же повесть много лет не написана бысть, но тако в людех в повестех ношашеся. Аз же слышах от многих сие и написах ползы ради прочитающим, да не отчаются грешницы спасения своего, но притячют ко всемилостивому господу истинным покаянием и отпущение грехов получают, и жизни вечней сподобляются и в бесконечныя веки на небеси с праведными имут царствовати“.

2. Библ. им. В. И. Ленина, Большак. № 391, 1709—1710 гг., лл. 195—201. Обозначение Б

Заглавие: „Повесть о некоем презвитере, впадшем в великий грех тяжкий“. Во всем остальном список этот совпадает со списком ГИМ. Уваров. № 1912 (157).

3. ГИМ. Барсов. № 2134, к. XVII в., лл. 215 об.—226 об. Обозначение В

Заглавие: „О некоем презвитере, содеявшем грех з девицею в церкви, и отехав в Казан, порудив христианскую веру, и гонитель христианом, и тако покаявшеся умре“.

Начало: „Бысть в державе российского государства в княжение царя и великого князя Ивана Василиевича Московского и всеа Росии и при митрополите Филиппе. Бе во граде Владимире презвитер некий живяше, именем Тимофей. Случися ему быть по божию попущению искус сицев на пагубу души его“.

Окончание совпадает с окончанием списка ГИМ. Уваров. № 1912 (157).

4. Библ. им. В. И. Ленина. № 1529 (Беляев. № 23), XVIII в., лл. 191—194 об. Обозначение Г

Заглавие: „О презвитере впадшем в великий грех“.

Начало: „Бысть убо во княжение царя и великаго князя Иоанна Васильевича всея Росии и при митрополите преосвященном Филиппе всея Росии. Бе во граде Владимире живяше некий презвитер именем Тимофей. Случися ему быти по божию попущению искус сицев на пагубу души его“.

Окончание совпадает с окончанием списка ГИМ. Уваров. № 1912 (157).

5. ГПБ. Q. XVII. 199, XVIII в., лл. 187—191 об. Обозначение Д

Заглавие: „Повесть о презвитере, впадшем в великий грех тяжкий, иже бысть в Руской земли в княжение государя и великаго князя Ивана Васильевича московскаго и всея Руси и при митрополите Филиппе“. На полях надпись: „Писано из Степенной“.

Начало: „Бе во граде Владимире презвитер некий живыи, именем Тимофей. Случи же ся ему быти по божию попущению искус сицев на пагубу души его“.

Окончание: „Князь же и митрополит все имение тимофеево повелеста отроку тому отдати. Еще же к тому князь и земли удел даде ему. Сия же повесть многа лет не написана бысть, но тако в людех в повестех ношашеся. Аз же слышах от многих сие и написах ползы ради прочитающим, да не отчаются согрешившии спасения своего, но притекут ко всемилостивому богу истинным поканием и отпушение грехов получат, и жизнь вечную сподобятся прияти и в безконечныи веки на небеси с преподобными имут царствовать. Аминь“.

6. ГПБ. О. I. № 72 (Толст. II.85), XVIII в., лл. 119—123. Обозначение Е
 Список этот во всем подобен списку ГПБ. Q. XVII. 199.
 Над заглавием надпись: „Книга Степенная“.

7. ГПБ. Титов. № 540, XVIII в., лл. 1—8. Обозначение . . . Ж

Список этот во всем подобен списку ГПБ. Q. XVII. 199.

8. Институт истории, языка и литературы Карело-Финской базы АН СССР № 47 (167), XVIII в., лл. 2—7 об. Обозначение . . . З

Список этот во всем подобен списку ГПБ. Q. XVII. 199.
 Он обрывается на словах: „И советовавши между себе князь же и митрополит и написавше грамоту и запечатавше своими печатями и послаша со отроком к бусорману тому и прощение ему, покаявшемуся и возвратившемуся от тмы во свет, сказа“...

9. БАН. 21. 8. 10 (Сев. 695), XVIII в., лл. 127—143 об. Обозначение И

Заглавие: „Из книги Степенной Слово о попе“.

Начало: „Бе во граде Владимире пресвитер некий живый, именем Тимофей. Случи же ся ему быти по божию поущению искус сицев на пагубу души его“.

Окончание: „Князь же и митрополит все имение тимофеево повелеста отроку тому отдати. Еще же к тому князь же и земли удел даде ему.“

Сия же повесть много лет не написана бысть, но тако в людех и повестех ношашеся. Аз же слышах от многих сие и написах пользы ради слышавшим, да не отчаются согрешившии спасения своего, но притекут ко всемилостивому богу истинным покаянием и отпущение грехов получат, и жизнь вечную сподобятся прияти и в бесконечныя веки на небеси с преподобными имут царствовать. Аминь“.

10. ГИМ. Хлудов. № 36^а, XIX в., лл. 186 об.—196. Обозначение К

Список этот во всем совпадает со списком БАН. 21. 8. 10 (Сев. 695).

11. Институт истории, языка и литературы Карело-Финской базы АН СССР № 208, XIX в., лл. 139—161. Обозначение Л

Для заглавия оставлено пустое место; во всем остальном список этот совпадает со списком БАН. 21. 8. 10 (Сев. 695).

12. БАН. Арханг. собр. № 429, XVII в., лл. 480—483 об. Обозначение М

Заглавие: „Повесть о пресвитере впадшем в тяжек грех“.

Начало: „Бысть в княжение Российския земли великаго князя Иоанна Василиевича московскаго и при митрополите Филиппе. Бе во граде Владимире пресвитер некий живяше, именем Тимофей. Случися ему быти по божию поущению искус сицев на пагубу души его“.

Окончание: „Великий же князь возврати ему все, елико он привезе с собою, и удели часть некую князь великий российския земли пленнику тому, веля ему жити тамо. Отрок же той, пржде бывый пленник, отиде на свой уделок и купи села, рабы и рабыни, и обогате велми и прослави Христа бога нашего, творящаго дивная и славная.“

И сия повести в летописцех не обретох, но в повестех обношашеся, и написах великия ради душеполезныя ползы, да не отчаются грешницы спасения своего“.

13. ГИМ. Муз. № 3033, XVIII в., лл. 10—16. Обозначение Н

Заглавие: „Повесть о презвитере, впадшем в тяжек грех, и бысть варваром“.

Начало: „Бысть во граде Владимире презвитер некии живущии, именем Тимофей. Случися ему быти по дияволю навету искус сицев на пагубу души его“.

Окончание как в списке БАН. Арханг. Собр. № 429.

14. ГИМ. Уваров. № 2053 (1084), XVIII в., лл. 309 об.—321. Обозначение О

Заглавие: „Повесть о некоем пресвитере, иже впадшем в тяжкия грехи и прощение от бога получи. Сия повесть в недавних годех содеяся во граде Владимире, дивная“.

Начало: „Бысть в княжение Российския земли великаго князя Василя Иоановича московскаго и всеа России при митрополите Филиппе всеа России. Бысть во граде Владимире пресвитер некии живяше, именем Матфей. Случися ему быти по божию попущению искус сицев на пагубу души его“.

Окончание: „И отда князь отроку тому все богатство, елико имяше он, что привезе с собою от оного варвара. И еще ему удели князь часть земли и повеле ему жити на той земли. Отрок же той отиде на свое место, данное ему от князя на удел, и нача жити, богато и оженився, купи себе раб и рабынь, и прослави бога за толикую его милость и благодеяние, славяще бога во веки. Аминь“.

15. ГИМ. Шукин. № 692, нач. XVIII в., лл. 57—67 об. Обозначение П

Список этот во всем подобен списку Уваров. № 2053.

16. ГПБ. Погод. № 1603, XVIII в., лл. 291—303 об. Обозначение Р

Заглавие: „О ином пресвитере повесть удивительная, иже впадшем в тяжкия грехи и прощение от бога получи. Сия повесть содеяся во граде Владимире, како он в великий пост первыя недели на исповеди в церкви некую девицу от великих вельмож исповеда и растлию и потом уйде в Казанское царство и обасурманися и жил в таком блате л лет и покайся“.

Во всем остальном список этот подобен списку ГИМ. Уваров. № 2053 (1084).

17. ГИМ. Барсов. № 934 (старые №№ 139 и 202), XVIII в., лл. 2—17.

Обозначение С

Заглавия нет. Предисловие: „Во дни благочестивыя Российския державы благовернаго великаго князя Иоанна Васильевича московскаго и всея России самодержда при преосвященном митрополите Филиппе первом сицевое благоутробие Христа бога нашего над грешником бысть предстательством ради и милостиваго ходатайством преблагословенныя и всеи пречистыя его матере владычицы нашае богородицы и присно девы Марии, христианския заступницы и грешных истиннаго и несумнительнаго прибежища и известныя отчаянных и непостыдныя и непогрешительная надежды“.

Начало: „Во преславнейшем граде Владимире живяше некий пресвитер, именем Тимофей, благоговейн и бояся бога“.

18. ГИМ. Востряк. № 1156, 1828 г., лл. 86—90. Обозначение Т

Заглавие: „Слово страшное и предивное о пресвитере, которой в тяжек грех впадше“.

Начало: „В бытность княжения Российския земли великаго князя Иоанна Васильевича московскаго и всея России и при святейшем митрополите Филиппе во граде Владимире бе пресвитер, именем Тимофей. Случися ему по божию попущению, а диавольскому навождению быти искусу таковому на пагубу души его и тела“.

Окончание: „Великий же князь и митрополит благослови отрока, имение же за службу его“.

Князь же и митрополит повеле сию повесть сего чудеси божия в писании в народ предати на пользу слышащим, дабы всеусердно господа нашего Иисуса Христа всякий христианин моление теплое и крепкое от сердечнаго воздыхания приносил за толикое к человеколюбию щедрое милосердие. Таково бо есть чистое покаяние душу и тело из зверских недр освобождает. Богу нашему слава ныне и присно и во веки веков. Аминь“.

19. ГИМ. Уваров. № 1895 (851), к. XVII в., лл. 180—186. Обозначение У

Заглавие: „Слово о презвитере Тимофее, впадшем в тяжек грех“.

Начало: „Бысть в великом княжении Российския земли при великом князе Иоанне Васильевиче и при святейшем Филиппе митрополите во граде Владимире презвитер некий, именем Тимофей. Случися ему быти по божию попущению сицевый грех на пагубу души его“.

Окончание: „Отроку же тому все отдаша, взятое у Тимофея богатство, еще же и земли ему уделом уделиша“.

Сие же написася на ползу слышащим и прочитающим, да не отлучатся своего спасения. Богу нашему слава всегда и ныне и присно и во веки веком. Аминь“.

20. ГПБ. Титов. № 913 (2468), XVII в., лл. 3—14 об. Обозначение Ф
 Список этот во всем подобен списку ГИМ. Уваров. № 1895 (851).

21. Список А. М. Лазаревского, XVII в. (Изд. „Памятн. старинн. русск. литературы“, вып. 1, СПб., 1860, стр. 195—197). Обозначение X
 Список этот во всем подобен списку ГИМ. Уваров. № 1895 (851).

22. ГПБ. Q. IV. № 378 (Буслаев. № 75), XVIII в., лл. 395 об.—401 об. Обозначение Ц
 Заглавие: „Сказание о презвитере, впадшем в тяжек грех, велми полезно“.

Начало: „Бысть в княжение Руские земли при великом князе Иоанне Васильевиче московском и всея Руси и при святейшем митрополите Филиппе. Бысть же сице во граде Владимире презвитер некий, именем Тимофей. Случися ему быти по божию попущению, а по действию сатанину сидевый грех на пагубу души его“.

Окончание: „И что данное от преже бывшаго иерея Тимофея отроку тому богатство великий князь и великий святитель повелеша все отдати. Еще же и своим милосердием великий князь одари отрока того, земли уделиша и повеле дати ему такова ради духовнаго ходатайства.“

Се же написася на ползу слышащим и прочитающим, паче же грешным ко спасению, да не удаляются грехов своих ради от бога и не отлучаются многих ради грехов своих. Богу нашему слава ныне и присно и во веки веком. Аминь“.

23. ГПБ. Q. I. № 1163 (Буслаев. № 60), XVIII в., лл. 128 об.—133. Обозначение Ч
 Список этот во всем подобен списку ГПБ. Q. IV. № 378 (Буслаев. № 75), но он обрывается на следующих словах:

„Возвести о мне, молю ти ся неуклонно, всемилостивейшему митрополиту Филипу и яже сказа ти вся согрешения от начала и до сего часа, вся ему исповиждь. Аще есть таковому грешнеку покаяние, он же да умолит велики святитель о моем великом согрешении прежде всесилнаго бога, сотворившаго нас“... .

24. ГПБ. № 19 (Поступления 1947 г.), XVIII в., лл. 206—235 об. Обозначение Ш
 Заглавие: „Сказание о презвитере, Тимофей именем, впадшем в тяжек грех блудный и убежа во орду и оськверни святое крещение и покаяния ради и слез паки спасеся“.

Начало: „Бысть в княжение Росиския земли при великом князе Иоанне Васильевиче московском и всея Руси и при освященном митрополите Филиппе московском и всея Руси случися сицева вещь. Бысть,

рече, во граде Владимире презвитер некий именем Тимофей. Случися ему быти по божию попущению и по действию сатанину сицевый грех на пагубу души его сотворити“.

Окончание: „И что данное богатство от пребывшаго иерея Тимофея отроку тому великий князь и великий святитель повелеша все отдать. Еще же и своим милосердием великий князь одари того отрока и прочии бояре зело наделиша, и повеле дати ему такова дара, яко духовное дело исходатайствовавши.“

Сие же написано на ползу прочитающим и слышащим, паче же грешником ко спасению, да не удаляются грехов ради своих от бога и не отчаются своего спасения. Аще будут подобни и самому сатане делами, и тем есть покаяние. Богу нашему слава“.

Список этот ближайше родственен спискам ГПБ. Q. IV. № 378 (Буслаев. № 75) и ГПБ. Q. I. № 1163 (Буслаев. № 60).

ТЕКСТЫ

Первая редакция

Текст издается по списку ГПБ. Q. XVII. № 199.

К этой же редакции относятся списки:

1. ГИМ. Уваров. № 1912 (157)
2. Библ. им. В. И. Ленина, Большак. № 391
3. ГИМ. Барсов. № 2134
4. Библ. им. В. И. Ленина, № 1529 (Беляев. № 23)
5. ГПБ. О. I. № 72 (Толст. II. 85)
6. ГПБ. Титов. № 540
7. Инст. истор., языка и лит. Карело-Финской базы АН СССР № 47 (167)
8. БАН. 21. 8. 10 (Сев. 695)
9. ГИМ. Хлудов. № 36^а
10. Инст. истор., языка и лит. Карело-Финской базы АН СССР № 208
11. БАН. Арханг. собр. № 429
12. ГИМ. Муз. № 3033
13. ГИМ. Уваров. № 2053 (1084)
14. ГИМ. Щукин. № 692
15. ГПБ. Погод. № 1603
16. ГИМ. Барсов. № 934 (старые № 139 и 202)
17. ГИМ. Востряк. № 1156

Повесть о презвитере впадшем в великий грех тяжкий, иже бысть в Русской земли в княжение государя и великаго князя Ивана Васильевича Московскаго и всея Руси и при митрополите Филиппе.

Бе во граде Владимире презвитер некий живый именем Тимофеи. Случи же ся ему быти по божию попущению искус сицев на пагубу души его.

В первую убо неделю святого и великаго поста обычаи имут православнии христиане боголюбивии людие, мужие и жены и младые дети поститися во всю неделю. Постивше же ся в пяток вечера ко отцем духовным на покаяние приходити и о гресех своих очищатися, и в субботу на литургии приимати святое тело и кровь Христа бога нашего. Тако же и к сему попу Тимофею прииде на исповедание грехов своих девица некая, красна зело, дщи славных града того. Бысть же има наедине в церкви двема и начат презвитера диявол на неутолимую похоть разжигати. Презвитер же не могши терпети разгорения плоти своея и падеся з девицею в церкви, не убоясь божия суда и вечнаго мучения лютаго.

И сотворив грех з девицею и убоясь изымания и побежа ис церкви вон в дом свои. И утаяся всех людеи, да не явлен будет властелем града того да бы ему злою смертию не умрети. И оседла конь свои и пременяв образ свои поповский и облечеса в воинскую одежду, и неявися и несказася жене своей, ни детем своим и всед на конь скоро погна из дому своего. И из града своего бежа на чюждую страну в поганую землю татарскую, в Казань.

И тако во орду прибежав и вдадеса царю казанскому служити и отвержеса веры христианския и священнический чин попра и бусарманскую срацынскую злоую веру прият и взят себе две жены.

Ох, увы, первые бе чиститель и говеин священник и предстатель престолу божию и поручник грешных душ, потом же зол гонитель бысть и лют кровопица христианск и воевода в Казани храбр. И часто его посылаше царь с татары своими воевати отечество его русския земли христиан. Живяше же он тридесять лет в Казани; царю служил и разбогател вельми.

Бог же, не хотя смерти грешнику, но еже обратитися ему и живу быти, восхоте же и сего преступника в первое благочестие привести.

По времени же посла его царь на то же обычное и беззаконное дело, яко же и прежде проляти кровь неповинных русских людеи. Он же иде по словеси царя и возвратися в Казань с руским полоном. Идущу же ему чистым и великим полем к Казани и пусти полк свои наперед себя, сам же един остася назади (некоего) ради орудия. Едущу же ему на коне своем вполудни после полка своего далече остася и пояше умилно красныи стих любимыи пресвятеи богородице: „О тебе радуется обрадованная всякая тварь“.

Тогда же по случаю бежа пленник ис Казани некий отрок русин и западе лежаще утаяся в дуброве по страну пути того, ждуци докуду минет весь полк татарский, чтобы востати от места того, и паки бы побежать, не блюдяся к Руси.

И егда отрок, слыша поюща стих, и востав от лежания своего, и мнев поюща стих быти русина, не бояся, радостен изыде оттуду и потече из дубровы на путь свои и явися тому окаянному варвару, прежде бывшему попу. Он же видя отрока ярыма своими очима

зверинымъ и похватив мечъ наг и хоте отроку главу отсеци. Пленник же паде на земли, з горкими слезами милости прося у него, чтобы не убиен был от него. И сказа ему о себе, яко „пленник есмь русин, бежа ис Казани на Русь и слышах тебя по руски поюща великий стих богоматере, еже любезнейши есть той стих всех стихов богородичных и у нас его на Руси честно поют, славяще пресвятую богородицу молебницу и заступницу нашу. И чаях тебя русина быти и явихся, господине, лицу твоему, не бояся“. Преступник же, то слыша, и жестокое и каменное свое сердце во умиление положи, и нача великим гласом жалостно плакати и рыдати и сшед с коня о землю убивашеся, яко устрашиться отроку тому и вмале не побежа от него, дивяся в себе, что се таково сотворилося, бе бо и отрок той грамотен же. И плакася от полудне того до вечера, донележе гортань его премолча, и слезы исчезоста от очию его. И обзресе со отроком ту и спа до утра на траве, дав отроку мало нечто снести, сам же ничего не вкуси.

Пленник же нача прилежно вопрошати, глаголя: „Что се, господине, есть и что плачь твой и почто горко плачеша, повеждь ми рабу своему“. Он же устранися от плача и мало пришед в себе, все отроку вышечписанное поведа, яко поп на Руси был. Пленник же увещеваше его на покаяние обратиться, яко бог наш милостив есть и кающихся от грех очищает. Он же рече отроку: „Молю тя, отроча, и заклинаю тя богом вашим Иисусом Христом, пришедшим в мир грешники спасти, да сотвориши ми любовь духовную; иди ныне от мене без боязни к Москве на Русь и пришед возвести о мне вся митрополиту вашему, еже сказати, аще есть такому грешнику покаяние, и они бы меня восприяли и запретили и простили, како подобает по заповеди господя нашего Иисуса Христа; дабы и попечаловался о мне великому князю московскому, дабы и он простил во всем моем зле, еже много лет воевах землю его и христианство губя. Да рукописание бы прощения мне во всем написав, и двема печатми запечатав, великаго князя печатью, да своею другою печатью, да тогда веру иму, и поехал бы к Москве без боязни. Да по двою месяцу прислал бы ми с тобою на сне же место, и аз бы с радостию и без сумнения к Москве ис Казани приехал и вдался бы я в монастырь плакаться грехов своих. Ты же, брате, потрудися бога ради о мне всем сердцем своим без лености. Господь же ради труда твоего мзду воздаст ти во царствии небеснем“. И одари отрока серебром немало. И обеща ему отрок истинно и неложно повеленное им сотворити.

И воставше заутра и такоже много плакався бусурман той, и целовавшеша оба и разехавшеша. Отрока отпусти к Руси, а сам х Казани за полком своим скоро погна.

Отрок же к Москве пришед и скоро сказа вещь сию митрополиту Филиппу. Истинный же пастырь церкви Христове в той же час скоро шед в полату и возвести сыну своему духовному великому князю все

поряду и подробну, еже что ему отрок сказа. Князь же великин и митрополит умилишася зело и в размышлении оба надолзе быша, и призваша отрока паки пред себя вопрошающе его: „Истинно ли тако бысть“. Отрок же паки то же сказа им истинну подробну, и помянуша они евангельское слово реченное: „Аще изведеши честное от недостойнства, яко уста моя будеши“. И советовавше между себе князь же и митрополит и написавше грамоту и запечатавше своими печатми и послаша со отроком к бусорману тому и прощение ему, покаявшемуся и возвратившемуся от тмы во свет, сказаша, и во всем его простиша и наказавше звати его, чтобы ехал к Москве безо всякия боязни и да будет честен в службе великому князю.

Наставшу же третьему месяцу, пленник, отрок той, тщашеся безо лжи любовь божию сотворити и тамо итти; то бо есть любовь истинная, кто положит душу свою за брата своего. И иде отрок полем многия дни до уреченнаго места того и поспе на срок свои и ту пришед ждаше бусормана два дни и мнев яко же не быти ему.

В третии же день, зряше отрок прилежно к Казани, прямо на горе высоце на древо возлезе; узре: и се гнаше полем един человек от Казани путем на дву скорых драгих конех своих к месту тому, вельми спешася. Отрок же позна, яко той есть друг его бусорман и вмале скрыся от него, искушая его. Он же прискочи на место то, и невиде отрока, чаяше, яко солгах ему, и не пришедша во уреченный час и день. И свержеся с коней своих долу на землю и плакася вельми горко, яко могущу что и самое камение с собою на плачь подвигнути, и не можаше от плача утешитися, верстою бы он в пятьдесят лет быв. Также скоро отрок явися ему. Он же видев его борзо з горы идуща к себе и также позна его и потече скоро к нему противу его, и объем паде на выю отроку и целуя его и плакася з горкими слезами, глаголя ему: „Что ти воздам, любимыи мои брате и неместныи друже и верныи посланниче и великотрудниче, еже о мне поганом сотворил еси“. Отрок же взял влагалище из-за пазухи своея и разверг и вынял из нея грамоту и даде ему. Бусорман же приим и прочте со многими слезами и вопияше непрестанно гласом мытаревым: „Боже, милостив буди мне грешному беззаконному преступнику. Боже очисти грехи мои и помилуй мя“. И простер руце свои на небо и рече: „Боже щедрыи, благодарю тя, человеколюбче, грешным милостиве, яко сподобил мя еси, окаяннаго, от начальнаго пастыря моего беззаконию моему прощение прияти“. И абие внезапно пад на землю тихо. И нозе свои, яко жив, простре и обретеся мертв.

Отрок же во ужасе надолзе быв. И разуме истинно, яко умре, и сня с него драгия ризы и всю коньскую збрую, и облече на него смиренныя своя одежды, ископа землю и погребе его ту со слезами, и ночь ту преспа у гроба его. Тимофее же явися ему у гроба своего благодарение воздавая ему, яко: „Тебе ради приях от бога прощение грех своих. Да возми кони мои со всем, еже на них, за труды своя,

и иди отсюда на Русь и поминаи меня до живота своего молением и молитвою и милостынею и прощением“.

Отрок же на утрие простився у гроба его и взя кони оба драгия тимофеевы з збруею, и обрете на них басманы великие, полны насыпаны злата, и сребра и драгих каменеи, и всед на конь и поеде на Русь радуясь и веселяся.

И приехав к Москве и подробну поведа о Тимофеи, еже случися ему, великому московскому князю, и митрополиту, и како погребе его, и како его виде во сне. И оставльшаяся вся показа им. Князь же и митрополит удивихася о сем и прославиша бога, како покаянием и слезами очистився, и простишася греси его, и душа его спасена бысть. Князь же и митрополит все имение тимофеево повелеста отроку тому отдати. Еще же к тому князь и земли удел даде ему.

Сия же повесть многа лет ненаписана бысть, но тако в людех в повестех ношашеся. Аз же слышах от многих сие и написах ползы ради прочитающим, да не отчаются согрешившии спасения своего, но притекут ко всемилостивому богу истинным покаянием и отпущение грехов получат, и жизнь вечную сподобятся прияти и в безконечныя веки на небеси с преподобными имут царствовать. Аминь.

Вторая редакция

Текст издается по списку ГИМ. Уваров. № 1895 (851).

К этой же редакции относятся списки:

1. ГПБ. Титов. № 913/2468
2. Лазаревск. (Изд. в „Памяти. стар. русск. лит.“, вып. 1, 1860, с. 195—197)
3. ГПБ. Q. IV. № 378 (Буслаев. № 75)
4. ГПБ. Q. I. № 1163 (Буслаев. № 60)
5. ГПБ. № 19 (Поступл. 1947 г.)

Слово о презвитере Тимофее, впадшем в тяжек грех.

Бысть в великом княжении Российския земли при великом князе Иоанне Васильевиче и при святейшем Филиппе митрополите во граде Владимире презвитер некий, именем Тимофеи. Случися ему быти по божию попущению сицевый грех на пагубу души его.

В первую убо неделю великаго поста обычай имут православнии христиане, боголюбивии мужие, и жены, и младыя дети поститися во всю неделю и ко отцу духовному на покаяние приходити и приимати тело и кровь господя нашего Иисуса Христа. Такожде и к сему попу прииде некая девица на исповедание грехов своих, зело прекрасна, дщи некоего богата и славна мужа града того. И бывшим им наедине во церкви святей. И начат презвитера диавол разжигати на ню неутолимою похотию. Поп же Тимофеи немогии терпети злаго сего разгорения плоти своя и падеся с нею в церкви святей, не убоясь суда божия.

И сотворив с нею той грех, и убоися изымання себе, и побеже из церкви в дом свои. Девица же поиде вон из церкви, плачась и рыдая своего греха, что пался с нею иереи во церкви божи. Поп же утаяся всех людей, ту сущих, и оседла коня своего, и премени образ свои поповский, и облечеса в воинскую одежду, и не явися жене своей, ни детям своим, и вседе на коня своего и скоро погна вон из града своего, бежа на чюжую страну погану во землю татарскую в Казань.

И тамо во Орду прибежав, и дадеся царю казанскому Маною служить, и отвержеса веры христианския, и священнический чин поправ и бусорманскую веру прият, и поня за себя две жене.

О, увы! Первые был очиститель и говейин священник и предстатель престолу владычню и споручник грешным душам, а потом бысть злогубитель, и лют кровопивица христианом. И воевода в Казани храбр бысть, и часто посылая его царь с татары своими Руския земли воевати. И живяше тамо тридесять лет в Казани, царю служа, и обогатися велми.

Бог же не хотяи смерти грешнику, но обратитися и живу быти ему, восхоте же и сего в первое благочестие привести.

По времени же посла его царь на то же дело, яко же и прежде, беззаконное, во еже проляти кровь Руския земли. Он же иде по словеси царя, и повоева страну рускую и улусы и возвратися в Казань с великим полоном. Идушу же ему чистым полем х Казани и пустив полки свои напред себя, а сам же един остася, орудия ради некоего. Едушу же ему на коне своем в полудни, после полка своего далече, и вспомянув грех согрешения своего. И нача пети умильно красныи стих, любимыи пречистой богородице: „О тебе радуется, благодатная, всякая тварь“.

Тогда же послыша бежации ис Казани отрок, пленник некий, лежаше в дубраве три дни, не ядши, по сторону пути того, ждушу доколе минет весь полк татарский, да востав от места своего паки побежит путем на Русь, не блюдяся. И востав от лежания своего, и мнит поющаго стих быти русским человеком, и радостен бысть, не устранився, изыде, и потече из дубравы на путь и явися ему, окаянному варвару, бывшему прежде попу.

Он же, отрока видев ярыма очима, похватив мечь свой наг и хоте отроку отсеци главу. Пленник же паде на землю, с горкими слезами милости прося, да не убиен будет от него. Сказа ему о себе, яко же „пленник есмь русския земли, бежа ис Казани на Русь и слышав тебе поющаго стих русския пресвятыя богородицын, еже любимыи всех, у нас же его поют честно на Руси, славят же пресвятую богородицу нашу и молитвенницу и заступницу о душах наших. Чая же тебе быти русянина, и явихся лицу твоему, не убоися тебе“. Преступник же той услышав, и жестокое свое окаянное сердце во умиление преложи, и нача великим гласом жалостно и радостно плакати.

И шед с коня своего и нача землю мочити слезами своими на много час, яко же устрашится отроку тому, и в мале отбеже от него и дивится в себе, что сие таково бысть. Бе убо и отрок сеи грамотен же. И плакася от полудни до вечера, дондеже премолаче гортань его.

И обвечеря со отроком, и спа до утра на траве, и дав отроку нечто мало снести, сам же ничто же вкуси.

Пленник нача вопрошати его: „Повеждь ми, что се, господине, есть, и что печаль твоя, про что тако горко плачешися, повеждь ми своему рабу“. Он же утешився мало от плача своего, и в себе пришед, и вся отроку вышереченная поведа, яко „поп на Руси был есмь“. Пленник же обещеваше его на покаяние обратитися, яко „господь бог наш милостив и кающихся от грех своих принимает; молю тя, не отчаявай своего спасения“. Он же рече отроку: „Заклинаю тя богом вышним Иисусом Христом сыном божим пришедшим в мир грешныя спасти, да сотвориши ми любовь христову. Иди отсюда без боязни к Москве и, пришед, возвести о мне грешнем святейшему митрополиту Филиппу, яже сказах ти, есть ли такому грешнику прощение. Он же да печалуется о мне великому князю, дабы мя простил во всем зле моем, еже сотворих, многа лета землю его христианскую пустошил. Да рукописанием бы прощение написав и за двема печатма запечатав, великаго князя печатью, да своею митрополичьею, — да тако веру иму, — и по двю месяцу прислал бы ми с тобою на сие место, то с радостию и без сомнения к Москве ис Казани прииду и отиду в монастырь плакаться грехов своих. Ты же, мои милыи брате, потрудися о мне всем сердцем бога ради, и безлестно, да подаст тебе господь бог труда твоего ради, аще за мя потрудишися, (многу) мзду во царствии небеснем“. И одари отрока серебром поне мало. И обещася ему отрок истинно и неложно послушание сотворити.

Востав же заутра, такожде много плакався бусорман. И целовастася во уста, и разехашася оба. Отпустив же отрока к Руси, а сам к Казани за полком борзо погна.

Отрок же к Москве пришед, и скоро возвести святейшему митрополиту Филиппу, яже о бусормане, бывшем попе. Истинныи же пастырь христов неложныи в той же час шед в полату (цареву) и возвести сыну своему духовному великому князю Иоанну Васильевичю. Князь же и митрополит удивися о сем, и в размышлении надолзе быста. И призваша отрока пред себя и вопрошающа его, аще тако есть. Отрок же такожде им сказа. И помянуша евангелское слово реченное: „аще изведеши достойнаго от недостойнства, яко уста моя будещи“. Советовав же князь и митрополит, и написавше грамоту, и запечатавше двема печатма, и послаша со отроком к бусорману тому, показавше звати его, дабы шел к Москве без боязни, и да будет служба великому князю.

Наставшу же третьему месяцу, пленник же тшашеся без лести любовь христову сотворити и тамо итти. То убо есть истинная любовь Христова, да кто положит душу свою за друга своего. И иде подем

многия дни до уреченного места, и поспе на срок свои, и ждаше его два дни ту, и пришед (в недоумение) и мнев, яко не будет ту.

Он же в третии день такожде прилежно смотряше его прямо х Казани, на горе высоце на древо возлесе. И се гнаше полем един человек от Казани на дву скорых конех, к месту спеша велми. Отрок же позна, яко тои есть друг его бусорман, и вмале искушая его и скрывся от него. Он же, прискочив на место, не виде отрока, чая его оболгавшася.

Во утрии же день свержеся с коней своих на землю и плакашеся горко, яко и камене на плачь с ним подвижеся, и не можаше утешитися, в пятьдесят бо лет верстою сыи века своего. И абие явися ему отрок же з горы идя, он же виде его, издавеча грядуща к себе, и такожде позна его, и побеже скоро противу его, и начат отрока целовати, глагола ему: „О, милыи мои и любимыи друже истинныи! Что ти воздам, верныи мои посланниче, за великия труды твоя, еже к поганому мне бусорману сотворил еси любовь христову“. Отрок же взем грамоту и даде ему за двема печатми. Бусорман же прочтет грамоту со слезами многими, вопияше мытаревым гласом: „Боже, милостив буди мне грешному преступнику. Боже, очисти грехи моя и помилуй мя“. И простер руже и рече: „Боже всещедрыи и благосердыи, благодарю тя, человеколюбче, грешных милостиве, яко сподобил мя еси окаяннаго и многогрешнаго от началнаго пастыря прощение прияти“. И абие внезапно паде на землю и бысть мертв и нозе свои простер, яко жив.

Отрок же во ужасе бысть надолзе и разумев истинно, яко умер ест. И ископав землю и погребе его ту со слезами; снят с него драгия ризы, воинскую одежду, и облече его во смиренныя ризы. И ноц ту преспав у гроба тимофеева. Он же явися ему во сне, благодарение воздая ему, яко „тебе ради приях от бога прощение грехов своих и царствию небесному причастник быв“. И глагола ему: „Возми коня моя со всем, еже на них, за труды своя и иди отсюда, поминаи мене до живота своего милостынею и приношением, еже к церквам божиим“.

Отрок же на утрии день воста и простився у гроба его, и взя драгия кони тимофеевы со всею драгою збруею, и обрете на них полны басмаги великия злата и сребра и камения драгаго, и вседе на них и поеде, радуяся и веселяся.

И приехав к Москве, и вся подробну исповедав, яже о Тимофее случившееся, великому князю и митрополиту, яко „умре и погребен бысть от мене“, и оставшаяся тимофеева вся показа им. Князь же и митрополит удивившася о сем, и прославиша бога, и о том разсудиша в правду, яко „прият бог со слезами покаяние его, и очистися от греха, и душа его спасеся“. Отроку же тому все отдаша взятое у Тимофея богатство, еще же и земли ему уделом уделиша.

Сие же написася на ползу слышащим и прочитающим, да не отлучатся своего спасения. Богу нашему слава всегда и ныне и присно и во веки веком. Аминь.